

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 330.11

doi: 10.26456/2219-1453/2021.2.159–173

**ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ
НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
СТРАН ЕАЭС***

А.К. Гришина

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Цель статьи – показать, что в настоящее время институциональная среда ЕАЭС в сфере валютно-финансовых отношений не в полной мере сформирована. Данное обстоятельство негативно отражается на конкурентоспособности стран и является препятствием на пути координации между странами конечных целей социально-экономического развития, что делает актуальным выявление институциональных предпосылок формирования и развития ЕАЭС. Новизна исследования состоит в разработке системных критериев институциональной среды на базе обобщения существующих теоретико-методологических подходов к исследованию структуры институциональной среды экономики, разработке рекомендаций по совершенствованию методологических параметров институциональной среды ЕАЭС в части усиления конвергенции институционального устройства стран-членов в валютно-финансовой сфере.

***Ключевые слова:** институциональная среда, институциональное пространство, международная интеграция, постсоветское пространство, ЕАЭС, взаимный товарооборот, валютно-финансовая система, положительный эффект от интеграции.*

К настоящему времени в институциональной экономике не выработан единый подход к трактовке понятия «институциональная среда», наряду с которым широко используются такие термины, как «институциональное пространство», «институциональная система». Неоднозначность содержания и соотношения данных понятий существенно затрудняет научный дискурс и является фактором дезинтеграции изучения отдельных явлений в экономической науке.

Понятие «институциональная среда» было введено в научный оборот Д. Нортом. По мнению Д. Норта [17], институциональная среда представляет собой совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, образующих базис для производства, обмена и распределения, или экономическое окружение, например, имущественное и контрактное законодательство [23, с. 6]. В своей наиболее поздней работе Д. Норт раскрывает природу основополагающих правил или институтов,

---

* Рекомендовано к публикации по результатам Международной научно-практической конференции «Институционально-воспроизводственный механизм формационной развилки: принципы, формы, инструменты» (18 декабря 2020 г., Департамент экономической теории Финансового университета).

организующих взаимоотношения между людьми. «Правила игры» включают формальные правила (придуманные людьми политические, экономические правила и контракты), неформальные ограничения (общепринятые условности и кодексы поведения), а также механизм обеспечения их выполнения [17, с. 80, 129].

А.Э. Байдуллин выделяет следующие актуальные дефиниционные направления трактовки институциональной среды, которая включает [6, с. 26–28]: 1) основополагающие правила, определяющие взаимоотношения между людьми («правила игры») (Шаститко, 2002, Винокуров, 2014); 2) любые правила, структурирующие отношения людей (Ситнова, Ишназаров, Салихова, 2014); 3) все правила, регулирующие отношения людей как друг к другу, так и к природе (Мещеряков, Курилович, 2008, Савина, 2012, Славянов, 2014).

В последнее время отечественные ученые (Дондокова, Тумунбаярова, 2014, Сазанова, 2017) уделяют все большее внимание анализу соотношению понятий «институциональная среда» и «институциональное пространство». Ю.А. Коблова определяет институциональное пространство как часть общественного пространства, внутри которой взаимодействия агентов осуществляются в соответствии с определенными нормами и правилами [11, с. 16]. Структура институционального пространства представлена следующими уровнями: 1) наноуровень (пространство личности); 2) микроуровень (пространство домохозяйства и предприятия); 3) мезоуровень (пространство региона); 4) макроуровень (пространство национального государства); 5) мегауровень (наднациональное пространство интеграционного объединения).

Наиболее обоснованной с исторической точки зрения является широкая трактовка институциональной среды. Это обусловлено тем, что Д. Норт трактует институциональную среду как синоним слову «институты» при отсутствии ограничений, налагаемых на состав институтов. Кроме того, определение «институциональная» в словосочетании «институциональная среда» указывает на принадлежность к составу среды всех институтов вне зависимости от их принадлежности к уровням институционального пространства.

Одной из наиболее актуальных тенденций, наблюдаемых в отечественной науке, является трактовка институциональной среды как системы институтов. По мнению ученых, в данном контексте институты в составе институциональной среды должны отвечать таким критериям, как: 1) взаимозависимость (Валиева, 2007); 2) взаимосвязанность (Клейнер, 2004, Валиева, 2007, Бенсон, 2016); 3) взаимообусловленность (Бенсон, 2016); 4) упорядоченность (Вольчик, Оганесян, 2010); наличие логически законченного, целостного единства (Гапонова, Рац, Рац, 2013); 5) наличие иерархии и субординации (Гапонова, Рац, Рац, 2013).

Говоря о взаимозависимости институтов, Д. Норт выделил информационные сети в качестве инструмента обеспечения эффективного выполнения правил [17]. Е.Б. Дондокова и Ж.Б. Тумунбаярова в духе Д. Норта выделяют в составе институциональной системы такие элементы, как инфраструктура и сетевое взаимодействие [9, с. 18]. При этом авторы трактуют институциональное пространство как форму функционирования институциональной системы, что обуславливает наличие пространственных уровней ее функционирования (Шапкин, Василенко, 2005).

Определение понятия – это логическая операция, состоящая в раскрытии содержания понятия. В реальном определении основой формирования понятий выступают существенные признаки, свойства и характеристики объекта, которые позволяют сформулировать их сходства и отличия от других объектов [5].

По результатам логико-исторической реконструкции, а также анализа актуальных направлений трактовки понятия «институциональная среда», автором были сформулированы системные признаки институциональной среды: 1) наличие двух и более институтов; 2) институты должны быть взаимосвязанными и взаимозависимыми, т.е. изменение в одном институте приводит к изменению в других; 3) принадлежность институтов к одному уровню институционального пространства; 4) принадлежность институтов к единой инфраструктуре, выступающей в качестве механизма связи между институтами.

Таким образом, по мнению автора, совокупность институтов будет являться институциональной средой при соблюдении всех четырех вышеназванных условий. При этом в отличие от институциональной среды институциональное пространство задает вектор или направленность системы институтов, качество и состояние которого определяет, какие институты будут входить в ее состав. Очевидно, «пространство» также включает в себя различные совокупности институтов, т. е. «среды».

Венгерский экономист Б. Баласса выделил пять последовательных этапов, которые проходят региональные интеграционные процессы в своем развитии (см. табл. 1). Взаимодействие стран предусмотрено моделью реализации интеграционного потенциала, которая представляет собой перечень основных направлений, условий и схем взаимодействия государств-членов в определенных отраслях хозяйства при содействии бизнес-сообществ. По мере развития интеграционных процессов стратегия может дополняться новыми секторами экономики, что обуславливает переход к последующим уровням интеграции.

Т а б л и ц а 1

Этапы экономической интеграции Б. Балассы

(5) Полная экономическая интеграция или экономический и валютный союз (ЭВС)				
Унификация монетарной, фискальной, социальной и антициклической политик	(4) Экономический союз			
	Частичная гармонизация национальных экономических политик	(3) Общий рынок		
Свободное перемещение товаров, услуг, капитала, рабочей силы		(2) Таможенный союз (ТС)		(1) Зона свободной торговли (ЗСТ)
	Единый тариф в отношении третьих стран	Отмена тарифов и количественных ограничений во взаимной торговле		
Создание наднациональных органов регулирувания				

Источник: составлено автором на основе [22, с. 3].

Несмотря на наличие, теоретически обоснованной последовательности развития процессов интеграции, на практике редко встречаются региональные союзы, которые последовательно проходят все пять этапов развития. В большинстве случаев взаимодействие стран основывается на первых двух формах интеграции с добавлением элементов, соответствующих более продвинутому этапу. Например, на пространстве Южноафриканского таможенного союза (SACU) функционирует валютный союз с единой

денежной единицей (южноафриканский рэнд), а в рамках Австрало-Новозеландской зоны свободной торговли (ANZCERTA) сформирован общий рынок труда, услуг и инвестиций. Данные примеры лишней раз являются подтверждением того, что исходным пунктом в решении об углублении либерализации передвижения факторов производства является необходимость создания условий для эффективной реализации стратегии интеграционного взаимодействия.

На пространстве международных объединений процесс формирования единых систем происходит постепенно и обуславливается объективной экономической предпосылкой – необходимостью достижения положительного эффекта от сотрудничества в рамках стратегии развития интеграционного потенциала, разработанной межгосударственными органами управления. В этой связи, институциональная среда регионального союза предполагает наличие действующих наднациональных механизмов регулирования, обеспечивающих принадлежность совместных институтов к мегауровню институционального пространства. Таким образом, при формулировке понятия институциональной среды интеграционной группировки, речь идет о группе стран, связанных экономическими отношениями на основе институциональной модели в рамках заключенного между государствами-членами договора или соглашения о создании объединения, либо устава интеграционного объединения [12, с. 164].

Евразийская интеграция формируется государствами, которые на протяжении нескольких десятилетий входили в состав единого экономического пространства СССР, в связи с этим к объединительным процессам на постсоветском пространстве применяется термин «скрепляющая интеграция». Анализ тренда развития региональных процессов в рамках предшествующих ЕАЭС интеграционных группировок – СНГ, ЕврАзЭС, ТС и ЕЭП России, Беларуси, Казахстана, позволяет сформулировать следующие основополагающие принципы, которые должны лечь в основу новой стратегии евразийской интеграции [15, с. 235–236]: 1) общий рынок на базе развития эффективных производственно-технологических проектов; 2) интеграция по принципу открытого регионализма; 3) принцип суверенного равенства и равноправия; 4) единство валютно-финансовой политики.

Основополагающим документом, определяющим сущность, принципы, основные направления сотрудничества в рамках ЕАЭС, его организационную структуру, функции, а также принципы функционирования наднациональных органов управления является Договор о ЕАЭС, систематизирующий большую часть соглашений, составляющих нормативно-правовую базу ТС и ЕЭП. Согласно ст. 4 Договора основными целями ЕАЭС являются: 1) создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; 2) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; 3) всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [1].

Представляется, что для выполнения целей, установленных Договором, и обеспечения положительного эффекта от сотрудничества, ключевым направлением развития в рамках ЕАЭС является построение валютно-финансовой системы при активном участии наднациональных механизмов. Интегрирующая роль в достижении устойчивых темпов роста национальных

экономик, свободы трансграничного перемещения факторов производства, функционирования единого внутреннего рынка принадлежит валютно-финансовым отношениям, которые связывают все без исключения стадии воспроизводства, обеспечивая нормальное функционирование субъектов экономики» [10, с. 2].

Методологические основы построения евразийской валютно-финансовой системы заложены Договором о ЕАЭС, а также Концепцией формирования общего финансового рынка ЕАЭС. Согласно Договору, на текущий момент в рамках Союза проводится согласованная валютная политика и согласованное регулирование финансовых рынков. Странам-членам предоставляется национальный режим и «режим наибольшего благоприятствования» в ряде подсекторов финансовых услуг при сохранении определенных ограничений в отношении учреждения и (или) деятельности поставщиков финансовых услуг. В целях достижения свободного перемещения капитала на евразийском пространстве к 2025 г. предусмотрено создание общего финансового рынка, который служит базисом для формирования валютно-финансовой системы в рамках ЕАЭС [1].

Анализ современного состояния валютно-финансовой системы ЕАЭС предполагает оценку ее соответствия сформулированным выше признакам институциональной среды. Представляется, что валютно-финансовую систему можно считать сформированной при условии одновременного соблюдения всех четырех критериев.

Интеграция на пространстве ЕАЭС осуществляется странами-членами в рамках единой, согласованной и скоординированной политики. Единая политика предполагает применение унифицированного законодательства государств через установление идентичных нормативных механизмов воздействия в сферах, определенных Договором. Согласованная политика направлена на гармонизацию национальных правовых норм путем принятия сходного (сопоставимого) регулирования в определенных областях общественных отношений. Сотрудничество в рамках скоординированной политики осуществляется на базе общих подходов, одобренных наднациональными органами.

Согласно Договору о ЕАЭС, страны-члены проводят согласованное регулирование финансовых рынков, в частности, банковского, страхового рынка, рынка ценных бумаг (ст. 70), а также согласованную валютную политику (ст. 64), одним из инструментов которых выступает гармонизация законодательства в соответствующих сферах. В этой связи, под институтами валютно-финансовой системы ЕАЭС целесообразно понимать действующие правила, обеспечивающие единое и (или) сходное (сопоставимое) регулирование валютно-финансовых отношений на пространстве Союза.

Наряду с Договором в настоящее время эти правила находят отражение, в частности, в Соглашении об обмене информацией в том числе конфиденциальной в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала, вступившее в силу 21 октября 2016 г.; Соглашении о гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере финансового рынка от 6 ноября 2018 г.; Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС, утвержденной решением ВЕЭС от 1 октября 2019 г.; Плана мероприятий по гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере

финансового рынка, утвержденном распоряжением Совета ЕЭК от 23 ноября 2020 г.

Формирование узловых элементов валютно-финансовой системы ЕАЭС напрямую связано с необходимостью принятия странами-членами в краткосрочной перспективе концептуальных документов по направлениям: ПОД/ФТ, взаимодействие по вопросам обмена сведениями, входящих в состав кредитных историй, создание единого рынка аудиторских услуг, принятие согласованных подходов к регулированию валютных правоотношений и мер либерализации ограничений на совершение валютных операций и др.

В настоящее время регулирование валютно-финансовой интеграции в рамках ЕАЭС относится к компетенции органа надгосударственного регулирования, что обуславливает принадлежность системы к мегауровню институционального пространства. Департамент финансовой политики ЕЭК обеспечивает реализацию функций в области финансовой, банковской, денежно-кредитной, валютной, налогово-бюджетной политике, регулирования аудиторской деятельности, а также зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин.

Как результат валютной и финансовой политики, целенаправленно воздействующей на поведение экономических субъектов за счет применения публично-правовых инструментов, валютно-финансовая система ЕАЭС должна обладать устойчивой инфраструктурой, которая представляет собой совокупность финансовых организаций различных уровней хозяйствования, задействованных в процессе перераспределения денежных потоков. В контексте задач, поставленных в рамках Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС, степень развитости инфраструктуры определяется возможностями снижения системных рисков как на общем финансовом рынке в целом, так и для отдельных рыночных субъектов [2].

Минимизация системных рисков валютно-финансового сектора ЕАЭС в условиях координации финансовых политик требует согласования механизмов регулирования на макропруденциальном уровне. На современном этапе все центральные (национальные) банки стран-членов ЕАЭС наделены статусом мегарегулятора, кроме Беларуси. Макропруденциальный надзор осуществляется мегарегуляторами России и Казахстана, национальные банки других стран-членов ЕАЭС на ежегодной основе осуществляют мониторинг финансовой стабильности.

В целях достижения согласованного руководства и надзора в области финансовой деятельности в рамках ЕАЭС, к 2025 г. Договором намечено формирование наднационального органа регулирования финансового рынка. Предполагается, что в число его основных задач будет входить обеспечение недискриминационного доступа на финансовые рынки государств-членов на базе упрощенной модели «взаимного признания» (после 2025 г. – за счет принятия «единого паспорта» участников, инструментов и продуктов), а также формирование, ведение и актуализация интегрированного информационного реестра участников общего финансового рынка.

Существенную роль в диверсификации системных рисков играет также развитие небанковских финансовых институтов. В условиях доминирования банковского сектора финансовые рынки стран-членов ЕАЭС характеризуются существенными диспропорциями, как по институциональной структуре, так и по уровню развития [14, с. 7–10]. Волатильность финансовых показателей в контексте неразвитости механизмов саморегулирования финансовых рынков

приводит к увеличению рисков для их участников, препятствуя развитию инноваций, снижению коррупции, наилучшему удовлетворению потребностей общества.

В 2019 г. доля российских организаций в совокупном числе участников инфраструктуры финансового рынка ЕАЭС составила 85 % (табл. 2). В ряде стран отсутствуют институты коллективных инвестиций: ПИФы и АИФы не представлены в Армении, Беларуси, негосударственные пенсионные фонды – в Беларуси, Казахстане, Киргизии. СРО развиты только на российском рынке, членство в которых обязательно для участников фондового рынка ценных бумаг (дилеры, брокеры, регистраторы и т. д.).

Т а б л и ц а 2

Доля российских организаций в совокупном числе участников инфраструктуры финансового рынка ЕАЭС

Участники финансового рынка	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Брокеры	30	56	39	39	276
Дилеры	30	56	39	35	308
Доверительное управление	7	22	0	9	196
Депозитарии	1	30	1	1	265
Реестродержатели	1	0	0	19	32
Организаторы торгов	1	1	1	2	6
Управляющие компании	5	0	19	0	270
Накопительные пенсионные фонды	8	0	0	0	44
Акционерные инвестиционные фонды	0	0	19	3	2
Паевые инвестиционные фонды	0	0	39	0	1 531
Клиринговые организации	6	1	1	0	1
Бюро кредитных историй	1	0	2	0	10
Саморегулируемые организации	0	0	0	0	19
Рейтинговые агентства	0	0	0	0	4
Специализированные депозитарии	0	0	0	0	25
Форекс - дилеры	0	0	0	0	4
ИТОГО	90	166	160	108	2 993

Источник: составлено автором на основе [20].

Наряду с правовым режимом и операционной инфраструктурой, представленной финансово-кредитными учреждениями, Л.Р. Курманова и Д.А. Курманова выделяют в создании и функционировании инфраструктуры финансового рынка информационный блок, в том числе электронные информационные (сетевые) технологии, формирующие информационное пространство для целей передачи информационных ресурсов [13].

Согласно Стратегии развития ИИС ЕАЭС на период до 2025 г., в период 2021–2025 гг. предполагается развитие сервисов интегрированной системы в целях проведения государствами-членами скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором [4]. Окончание работ по обеспечению информационной поддержки различных видов межгосударственного взаимодействия (G2G, B2G, B2B, C2G и др.) по направлениям валютной политики и финансовых рынков (банковская

сфера, сфера страхования, валютный рынок, рынок ценных бумаг) намечено на 2021 г.

Решение о формировании общей расчетной инфраструктуры ЕАЭС было принято 9 ноября 2016 г. с одобрением НСПК и платежных систем Армении, Казахстана, Киргизии, Белоруссии и Таджикистана Резолюции о создании единого платежного пространства (ОПП), т. е. сферы функционирования платежной системы. В данном пространстве все лица, независимо от страны их местонахождения, могут принимать и отправлять внутренние и международные платежи на основании единых правил и стандартов [16]. В Концепции представлены следующие направления развития ОПП после 2025 г.: взаимодействие систем передачи финансовых сообщений и расчетов на основе внедрения стандарта ISO 20022, взаимодействие систем быстрых платежей, реализация цифровых аккредитивов и вкладных, развитие финансовых технологий, обеспечение кибербезопасности [2]. К настоящему моменту межсистемное объединение на технологической платформе НСПК реализованы в проектах интеграции инфраструктур платежных систем Армении, Киргизии, Узбекистана и России: первые транзакции по картам «Мир» в инфраструктуре ArCa прошли в августе 2017 г. [21] в июне 2020 г. запущены трансграничные переводы на карты «Элкарт» и Uzcard [19].

В контексте интеграции биржевой инфраструктуры рынков ценных бумаг ЕАЭС приоритетными направлениями являются обеспечение взаимного допуска фондовых посредников на биржи стран-членов, а также создание расчетно-депозитарного кластера (централизованного технологического узла). Согласно Плану мероприятий («дорожной карте») по формированию общего биржевого пространства (ЕБП) в рамках ЕАЭС, завершение работ по объединению расчетно-клиринговой и учетной инфраструктуры намечено на 2030 г. [3]. В числе ключевых мероприятий по созданию интегрированной системы биржевой торговли, намеченных Планом на период 2023–2030 гг., можно выделить гармонизацию правовой базы в области функционирования инфраструктурных организаций, развитие института торговых репозитариев, обеспечение электронного трансграничного взаимодействия между участниками фондового рынка и др.

Итак, несоответствие валютно-финансовой системы ЕАЭС второму (взаимосвязанность и взаимозависимость институтов) и четвертому (единая инфраструктура) признакам институциональной среды свидетельствует о несформированности институциональной среды, что отрицательно влияет на динамику экономического роста стран-членов: вследствие недостатка внутренних стабилизирующих элементов национальные экономики становятся неустойчивыми, что способствует активной трансляции внешних шоков.

Отсутствие заключенных между странами-членами концептуальных соглашений в области валютного и финансового рынков не позволяет заложить основы нормативно-правой базы, которая призвана обеспечить взаимосвязанность и взаимозависимость институтов валютно-финансовой системы ЕАЭС. Примечательно, что принятие и вступление в силу наибольшего числа документов было запланировано на 2017–2018 гг. (в частности, Соглашение о взаимодействии государств-членов ЕАЭС по обмену сведениями, входящими в состав кредитных историй, Соглашение об аудиторской деятельности на территории ЕАЭС и др.), но до настоящего момента они сохраняют статус проектов. Незрелость инфраструктуры общего валютно-финансового рынка свидетельствует о несоответствии на

данный момент валютно-финансовой системы ЕАЭС стратегическим направлениям в рамках интеграционного объединения. Назовем признаки такой неразвитости: незавершенность работ по созданию ЕБП, ОПП, ИИС ЕАЭС, наднационального органа регулирования финансового рынка, межстрановые различия в развитии финансовых систем (структурные, организационные и т. д.), отсутствие единых регулятивных стандартов и механизмов надзорной деятельности

В настоящее время ЕАЭС представляет собой единую таможенную территорию, в контексте которой основным индикатором развития интеграционных процессов является степень либерализации взаимной торговли и уровень развития внешнеторговых связей. Сильное влияние на отрицательную динамику взаимного товарооборота между странами-членами ЕАЭС оказывает ценовой фактор, который обусловлен преобладанием доли минеральных ресурсов в структуре внешнего экспорта в контексте «клубной» конвергенции по уровню экономического роста в рамках группы Беларусь, Казахстан и Россия. Отсутствие единой валютной и денежно-кредитной политики на евразийском пространстве в условиях внешнеторгового шока 2014–2015 гг. привело к разноскоростной девальвации номинальных курсов валют стран ЕАЭС по отношению к долл. США, обусловив обострение чувствительности стоимостных объемов взаимной торговли к динамике мировых цен на энергоресурсы. В числе последствий рассинхронизации номинальных и реальных валютных курсов необходимо выделить удорожание взаимного импорта и наращивание «торговых войн» на пространстве объединения с последующей переориентацией на торговлю с третьими странами, что неприемлемо в условиях ТС.

Важным с точки зрения анализа взаимного товарооборота государственных участников ЕАЭС является индекс физического объема (ИФО), который характеризует совокупное изменение товарной массы и показывает, как изменился оборот в результате изменения его физического объема при исключении влияния ценового фактора. Согласно данным, представленным в табл. 3, в странах ЕАЭС наблюдается ежегодный прирост физических объемов взаимной торговли. При этом наибольший прирост по данному показателю наблюдался в 2017 г., когда товарная масса, обращающаяся на внутрорегиональном рынке, выросла на 13,1 % по сравнению с 2016 годом. В 2019 году по сравнению с 2018 годом ИФО показал положительную динамику и составил 102,3 %. В экспорте продукции стран-членов ЕАЭС за рубеж темпы ежегодного прироста ИФО существенно ниже, чем во взаимной торговле. Так в 2019 г. по сравнению с 2018 г. наблюдается падение по данному показателю на 3,1 %. Товарная масса импорта прирастает во всех периодах.

Т а б л и ц а 3

Индексы физического объема (ИФО) внутренней и внешней торговли стран ЕАЭС

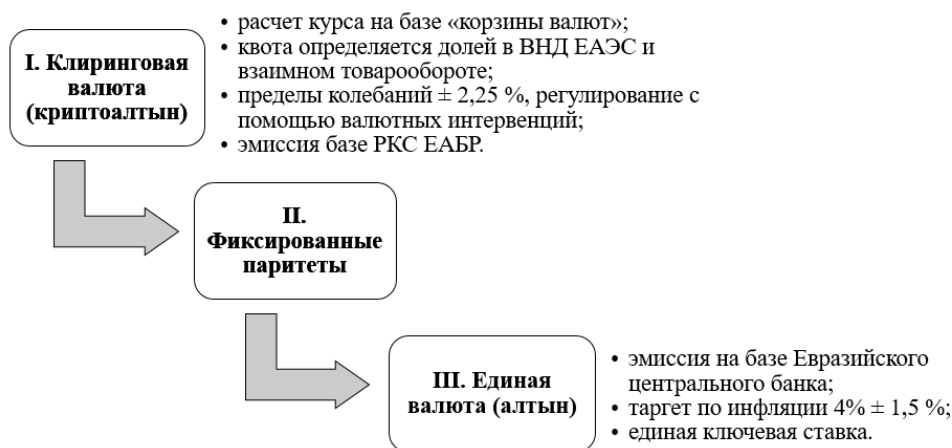
	2016 г., в % к 2015 г.	2017 г., в % к 2016 г.	2018 г., в % к 2017 г.	2019 г., в % к 2018 г.
Взаимная торговля между странами ЕАЭС	100,4	113,1	107,4	102,3
Импорт с третьими странами	100,5	116,8	102,7	105,9
Экспорт с третьими странами	102,9	103,2	104,7	96,9

Источник: составлено автором на основе [7, с. 6; 8, с. 7].

Таким образом, в контексте наращивания производственной кооперации вышеназванные обстоятельства усиливают риск сохранения дезинтеграционных трендов на пространстве Евразии, что обуславливает необходимость совершенствования методологических подходов к формированию валютно-финансовой системы в рамках ЕАЭС.

По мнению автора, основной задачей для ЕАЭС на краткосрочную перспективу (до 2025 г.) является гармонизация и совершенствование финансовой инфраструктуры и формирование базиса для перехода к новой модели финансового рынка с развитыми страховым и фондовым сектором, а также действующим механизмом саморегулирования. Интенсификацию расчетов в национальных валютах в рамках стратегии дедолларизации национальных экономик предлагается развивать по нескольким направлениям: 1) установление прямых котировок национальных валют; 2) ведение клиринговой электронной валюты; 3) создание единой платежной системы (принятие единой тарифной политики, формирование общей инфраструктуры банкоматных сетей и технологической платформы для выпуска карт и т. д.). на данном этапе валютной интеграции предлагается зафиксировать паритеты курсов национальных валют на базе установленных оптимальных пределов колебаний, которые впоследствии лягут в основу единой валюты ЕАЭС.

Представляется, что основным условием для перехода к валютному союзу в долгосрочной перспективе (до 2030 г.) является достижение странами-членами ЕАЭС реальной конвергенции по показателю экономического роста в целях выравнивания уровней бюджетного дефицита и государственного долга. Введение единой региональной валюты потребует пересмотра валютного законодательства стран-членов ЕАЭС, создание наднационального института по примеру ЕЦБ, в функции которого будет входить эмиссия; валютный контроль и регулирование; проведение единой валютной политики и т. д. В целях поддержания курсовых соотношений национальных валют на стабильном уровне необходима координация усилий стран-членов в области денежно-кредитной политики и ставок рефинансирования (рис. 1).

Р и с . 1. Параметры совершенствования методологических подходов к формированию валютно-финансовой системы ЕАЭС

Источник: составлено автором.

Оценка потенциального интеграционного эффекта экономического развития ЕАЭС до 2030 г. приведена в аналитическом издании «Основные

направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года» (ОНЭР). В ходе разработки сценариев развития Союза эксперты ЕЭК при поддержке членов научного сообщества исходили из оценки уровня (степень и глубина) интеграционного взаимодействия государств-членов, а также влияния внутренних и внешних экономических условий. Три сценария долгосрочного экономического развития ЕАЭС представлены на рис. 2.

Негативный сценарий «Продленный статус-кво» базируется на риске попадания стран в «ловушку среднего дохода» в условиях сохранения низкой диверсификации структуры национальных экономик. Консервативный сценарий «Транзитно-сырьевой мост» исходит из закрепления за ЕАЭС статуса транзитной территории в развитии мировых центров экономического роста (ЕС и АТР) за счет реализации конкурентных преимуществ стран-членов ЕАЭС в отраслях энергетики и добывающей промышленности.

Базис интеграции		Характеристика	Эффект/Результаты
ПРОДЛЕННЫЙ СТАТУС-КВО	Интеграция на существующей базе	Национальные экономики действуют, в большей степени, независимо. Достиженные интеграционные договоренности реализуются при возникающих новых барьерах, изъятиях и ограничениях	Незначительный
ТРАНЗИТНО-СЫРЬЕВОЙ МОСТ	Интеграция на существующей базе	Транзитная территория для сильных региональных блоков. Интеграция строится, прежде всего, на развитии транспорта и инфраструктуры и сотрудничества в сырьевом секторе	Рост экспорта сырьевых товаров в третьи страны и рост пассажиро- и грузооборота
СОБСТВЕННЫЙ ЦЕНТР СИЛЫ	Интеграция компетенций	1. Координация действий по ключевым направлениям , определяющим конкурентоспособность экономики 2. Сотрудничество в реальном секторе и сфере услуг, в том числе в несырьевых сферах экономики	Эффекты: масштаба, технологический, синергии, «создания торговли» Результаты: рост экспорта нефтегазового сектора; сокращение доли импорта из третьих стран; повышение уровня жизни

Рис. 2. Сценарии экономического развития ЕАЭС до 2030 г. [18, с. 49–50]

В рамках позитивного сценария «Собственный центр силы» страны-члены реализуют многие возможности по использованию сильных сторон, например, увеличение взаимного товарооборота на емком общем рынке ЕАЭС достигается за счет реализации кооперационных проектов в отраслях, где унаследованы производственные цепочки; отраслях с высокой долей внутриотраслевой торговли; в новых высокотехнологичных отраслях с внедрением цифровых технологий, а также в полной мере достижения «четырёх свобод», предусмотренных Договором. Во внешнем экспорте растет доля продукции неэнергетического сектора за счет встраивания в международные производственно-технологические цепочки, установления образовательного и научно-технического сотрудничества с третьими странами.

Таким образом, положительный эффект от интеграции в рамках ЕАЭС достигается в равной мере за счет усиления интеграционного потенциала в реальном и финансовом секторе экономики, а также достижения баланса между внутренним рынком и внешнеторговыми связями благодаря

использованию синергетических эффектов (экономия на масштабе, технологический эффект, «создание торговли»). Реализация государствами-членами ЕАЭС к 2030 г. сценария «Собственный центр силы» возможна в случае их перехода к этапу полной экономической интеграции с формированием эффективной институциональной среды в области валютно-финансовых отношений. Это будет способствовать достижению положительного эффекта от сотрудничества, который будет оцениваться динамикой реального ВВП стран-членов и совокупного ВВП ЕАЭС в целом. Устранение риска «дезинтеграции» на евразийском пространстве к 2030 г. будет содействовать минимизации негативного влияния внешних факторов, таких как глобальная рецессия и мировой финансово-экономический и энергетический кризисы, введение санкций со стороны третьих стран, замедление роста спроса со стороны внешних экспортеров локальной продукции.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 г., ред. от 01.10.2019 г. – [Правовая система «КонсультантПлюс»] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 07.04.2021 г.).
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 г. №20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза». – [Система ГАРАНТ] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702744/> (дата обращения: 09.04.2021 г.).
3. Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 03.11.2020 г. №159 «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") по формированию общего биржевого пространства в рамках Евразийского экономического союза». – [АО «Кодекс»] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/566218456> (дата обращения: 09.04.2021 г.).
4. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22.08.2017 г. №100 «Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года». – [Компания Альта-Софт] // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17sr0100/> (дата обращения: 09.04.2021 г.).
5. Большой психологический словарь. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко, 2003.
6. Взаимная трансплантация институтов секторов российской экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Байдуллин Адель Энверович. Москва, 2017. 228 с.
7. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза в 2018 году» // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2019. С. 6.
8. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза в 2019 году» // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. С. 7.
9. Дондокова Е.Б., Тумунбаярова Ж.Б. Институциональная среда малого предпринимательства: особенности трансформации в России: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. 148 с.
10. Зубенко В.В., Михайлов М.В. Узловые аспекты создания общего финансового рынка Евразийского экономического союза // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. №31. С. 2.
11. Коблова Ю.А. Институциональное пространство в предметном поле экономической науки // Экономические науки №1(122). 2015. С. 16.
12. Костюнина Г.М. Интеграционные объединения мира / Г.М. Костюнина, Н.Н. Ливенцев // Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник / под ред. А.С. Булатова и Н.Н. Ливенцева. М., Магистр. 2008. С. 164.
13. Курманова Д.А., Курманова Л.Р. Развитие инфраструктуры финансового рынка. – [Научные конференции, научные журналы Rusnauka.com] // URL: http://www.rusnauka.com/28_NII_2012/Economics/4_118170.doc.htm (дата обращения: 09.04.2021 г.).

14. Лебедева А.К. Институциональные вызовы экономическому сотрудничеству в рамках ЕАЭС // Сетевое научно-исследовательское периодическое издание «ХРОНОЭКОНОМИКА». № 1 (22). Февраль, 2020. С. 7–10.
15. Лебедева А.К. Институциональные особенности рыночной трансформации постсоветских стран: уроки для ЕАЭС // Самоуправление №1 (118). Том 2. 2020. С. 235–236.
16. Мурычев А. Единые стандарты и общие нормы как основа кооперации // Банковские технологии, № 12 (2014). – С. 34–37. – С. 34.
17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. / Д. Норт. М.: Начала, 1997. 190 с.
18. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2015 г. С. 49–50.
19. Платежная система "Мир" запустила трансграничные переводы в страны СНГ. – [Государственное информационное агентство ТАСС]. – 29.06.2020 // URL: <https://tass.ru/ekonomika/8839037> (дата обращения: 09.04.2021 г.).
20. Статистические таблицы. Показатели финансовой статистики для мониторинга Основных направлений экономического развития в ЕАЭС. Дата публикации 29.06.2020. – [Официальный сайт Евразийской экономической комиссии] // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/calendar/Pages/sds_2020.aspx (дата обращения: 09.04.2021 г.).
21. Формирование единого платежного пространства ЕАЭС завершится до конца 2019 года. – [Журнал ПЛАС]. – 24.11.2017 // URL: https://plusworld.ru/daily/cat-news_regulators/formirovanie-edinogo-platezhnogo-prostranstva-eaes-zavershit-do-kontsa-2019-goda/ (дата обращения: 09.04.2021 г.).
22. Balassa Bela. The Theory of Economic Integration. – George Allen & Unwin Ltd., 3rd edition, 1969. 304 с.
23. North D. Institutional Change and American Economic Growth / L. Davis, D. North. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

Об авторе:

ГРИШИНА Анна Константиновна – аспирант Департамента экономической теории, ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, e-mail: joli12591@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3749-3841, SPIN-код: 2688-0038.

IMPACT OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT ON FOREIGN ECONOMIC COOPERATION OF THE EAEU COUNTRIES

A.K. Grishina

FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, Moscow

Nowadays the EAEU institutional environment of the is not fully formed. This circumstance negatively affects the competitiveness of countries and represents an obstacle to the coordination between countries of the ultimate goals of socio-economic development, which makes it relevant to identify the institutional prerequisites for the formation and development of the institutional environment of the EAEU. The novelty of the study consists in the development of criteria for the institutional environment based on the generalization of the existing theoretical and methodological approaches to the study of the structure of the institutional environment of the economy, the issuance of recommendations for improving the parameters of the institutional environment of the EAEU in terms of strengthening the convergence of the institutional structure of the member states in the monetary and financial sphere.

Keywords: *institutional environment, institutional space, international integration, post-Soviet space, EAEU, mutual trade, monetary and financial system, positive effect of integration.*

About the author:

GRISHINA Anna Konstantinovna – post-graduate student of the Department of economic theory, FSOBU VPO “Financial University under the Government of the Russian Federation”, Moscow, e-mail: joli12591@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3749-3841, SPIN-code: 2688-0038.

References

1. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze. Podpisan v g. Astane 29.05.2014 g., red. ot 01.10.2019 g. – [Pravovaja sistema «Konsul'tantPljus»] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (data obrashhenija: 07.04.2021 g.).
2. Reshenie Vysshego Evrazijskogo jekonomicheskogo soveta ot 01.10.2019 g. №20 «O Konceptii formirovanija obshhego finansovogo rynka Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza». – [Sistema GARANT] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702744/> (data obrashhenija: 09.04.2021 g.).
3. Rasporyzhenie Kollegii Evrazijskoj jekonomicheskoy komissii ot 03.11.2020 g. №159 «Ob utverzhdenii plana meroprijatij ("dorozhnoj karty") po formirovaniju obshhego birzhevogo prostranstva v ramkah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza». – [AO «Kodeks»] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/566218456> (data obrashhenija: 09.04.2021 g.).
4. Reshenie Soveta Evrazijskoj jekonomicheskoy komissii ot 22.08.2017 g. №100 «Ob utverzhdenii Strategii razvitija integrirovannoj informacionnoj sistemy Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza na period do 2025 goda». – [Kompanija Al'ta-Soft] // URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/17sr0100/> (data obrashhenija: 09.04.2021 g.).
5. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. — M.: Prajm-EVROZNAK. Pod red. B.G. Meshherjakova, akad. V.P. Zinchenko, 2003.
6. Vzaimnaja transplantacija institutov sektorov rossijskoj jekonomiki: dis. ... kand. jekon. nauk: 08.00.01 / Bajdullin Adel' Jenverovich. Moskva, 2017. 228 s.
7. Doklad «O sostojanii vzaimnoj trgovli mezhu gosudarstvami-chlenami Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v 2018 godu» // Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. Moskva, 2019. S. 6.
8. Doklad «O sostojanii vzaimnoj trgovli mezhu gosudarstvami-chlenami Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v 2019 godu» // Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. Moskva, 2020. S. 7.
9. Dondokova E.B., Tumunbajarova Zh.B. Institucional'naja sreda malogo predprinimatel'stva: osobennosti transformacii v Rossii: monografija. Ulan-Udje: Izd-vo VSGUTU, 2014. 148 s.
10. Zubenko V.V., Mihajlov M.V. Uzlovye aspekty sozdaniya obshhego finansovogo rynka Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza // Finansovaja analitika: problemy i reshenija, №31, 2016. – S. 2.
11. Koblova Ju.A. Institucional'noe prostranstvo v predmetnom pole jekonomicheskoy nauki // Jekonomicheskie nauki №1(122). 2015. S. 16.
12. Kostjunina G.M. Integracionnye ob#edinenija mira / G.M. Kostjunina, N.N. Livencev // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye jekonomicheskie otnoshenija: uchebnik / pod red. A.S. Bulatova i N.N. Livenceva. M., Magistr. 2008. S. 164.
13. Kurmanova D.A., Kurmanova L.R. Razvitie infrastruktury finansovogo rynka. – [Nauchnye konferencii, nauchnye zhurnaly Rusnauka.com] // URL: http://www.rusnauka.com/28_NII_2012/Economics/4_118170.doc.htm (data obrashhenija: 09.04.2021 g.).
14. Lebedeva A.K. Institucional'nye vyzovy jekonomicheskomu sotrudnichestvu v ramkah EAJeS // Setevoe nauchno-issledovatel'skoe periodicheskoe izdanie «HRONOJEKONOMIKA». № 1 (22). Fevral', 2020. S. 7–10.

15. Lebedeva A.K. Institucional'nye osobennosti rynochnoj transformacii postsovetskih stran: uroki dlja EAJeS // Samoupravlenie №1 (118). Т. 2. 2020. S. 235–236.
16. Murychev A. Edinye standarty i obshhie normy kak osnova kooperacii // Bankovskie tehnologii. № 12 (2014). S. 34–37.
17. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki / per. s angl. / D. Nort. M.: Nachala, 1997. 190 s.
18. Osnovnye napravleniya jekonomicheskogo razvitija EAJeS do 2030 goda. Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. Moskva, 2015 g. S. 49–50.
19. Platezhnaja sistema "Mir" zapustila transgranichnye perevody v strany SNG. – [Gosudarstvennoe informacionnoe agentstvo TASS]. – 29.06.2020 // URL: <https://tass.ru/ekonomika/8839037> (data obrashhenija: 09.04.2021 g.).
20. Statisticheskie tablicy. Pokazateli finansovoj statistiki dlja monitoringa Osnovnyh napravlenij jekonomicheskogo razvitija v EAJeS. Data publikacii 29.06.2020. – [Oficial'nyj sajt Evrazijskoj jekonomicheskoi komissii] // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/calendar/Pages/sds2020.aspx (data obrashhenija: 09.04.2021 g.).
21. Formirovanie edinogo platezhnogo prostranstva EAJeS zavershitsja do konca 2019 goda. – [Zhurnal PLAC]. – 24.11.2017 // URL: https://plusworld.ru/daily/cat-news_regulators/formirovanie-edinogo-platezhnogo-prostranstva-eaes-zavershit-do-kontsa-2019-goda/ (data obrashhenija: 09.04.2021 g.).
22. Balassa Bela. The Theory of Economic Integration. – George Allen & Unwin Ltd., 3rd edition, 1969. 304 s.
23. North D. Institutional Change and American Economic Growth / L. Davis, D. North. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.